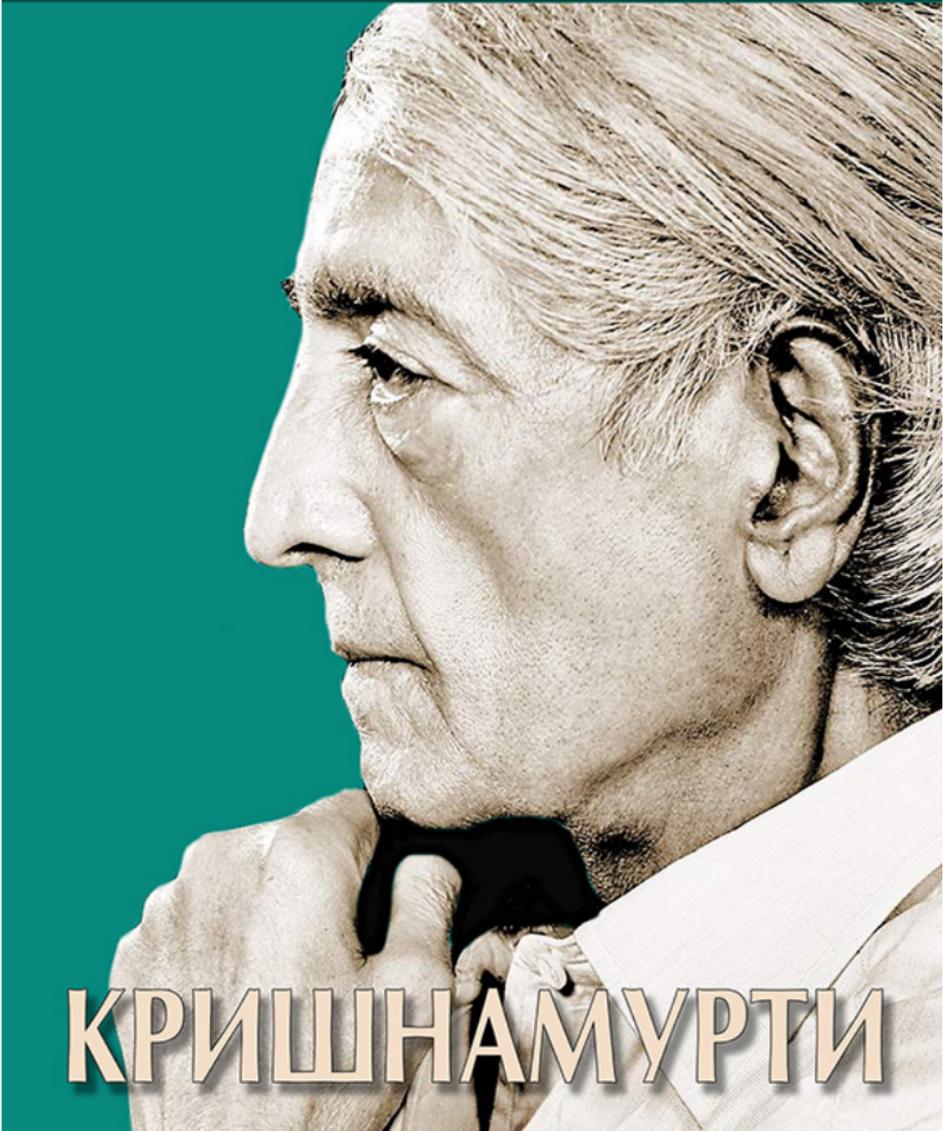

НЕМЕДЛЕННО ИЗМЕНИТЬСЯ

КРИШНАМУРТИ

МОСКВА 1993

Джидду Кришнамурти

Немедленно измениться

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=130292

Немедленно измениться:

Аннотация

Джидду Кришнамурти (1896–1986) – один из наиболее выдающихся духовных учителей нашего времени. Обнаруженный теософами еще мальчиком в Индии, он был подготовлен ими в качестве нового Мессии, от роли которого отказался, когда независимо стал вести свой собственный духовный поиск. Разъезжая по миру со своим учением, выступая с лекциями, он приобрел множество сторонников, включая видных государственных деятелей и интеллектуалов.

Материал, содержащийся в этой книге, первоначально был представлен в форме бесед со студентами, учителями и родителями, но его пронизательность и ясная простота будут иметь глубокое значение для думающих людей повсюду.

Содержание

Брошенные дети	5
Глава I. Осознание	8
Глава II. Существует ли какой-нибудь Бог?	18
Глава III. Страх	23
Глава IV. Как жить в этом мире?	32
Глава V. Взаимоотношения	46
Глава VI. Конфликт	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Джидду Кришнамурти

Немедленно измениться

© Gollancz, 1971.

© Н. фон Бок, перевод, 1976.

© ООО «КМК», 1993.

Брошенные дети

Вы не наблюдали такую особенность маленьких детей как чрезвычайная зависимость от телесных потребностей и нужд? Ребенку холодно – он капризничает и плачет в младенчестве. Когда вырастает – на такой же раздражитель он отвечает уже по-иному. Скажем, обвиняет родителей в том, что у него сломалась игрушка, или срывает свое зло на кошку. Ребенок не осознает действительную причину своего импульса – и никто ему в это не помогает. Мы с детства приучаемся искать причины наших невзгод вовне от себя и, вырастая, мы, в сущности, не взрослеем. Солидные дяди и тети, как дети, не умеют встречать вызовы жизни прямо, все до невозможности усложняя и искажая.

Говорят, что каждый день показывает нам всю историю мира, возникает из тьмы ночи и уходит у нее же. Как окружающий мир подобен себе в каждой точке, каждом цикле своего бытия, так и каждый человек со своими проблемами является отражением всех проблем планеты.

Мы, как уже сказано, ищем источник наших внутренних конфликтов и горестей вовне. Во внешнем же мире мы ищем и понимания путей прекращения всех неприятностей. Чань-ский наставник Линьцзы с горечью констатировал: «потеряв свою собственную голову, мы ищем ее в другом месте».

Нам явно не хватает хорошей воспитывающей среды, да-

же здоровый и сильный человек чахнет в той «пустыне духа», которую представляют собой сегодня общества всех стран. Мы все просто беспризорники – некому посмотреть за нами, чтобы мы правильно питались, не ломали деревьев в саду, не ссорились. Некому привить нам вкус к гармонии, дать правильное образование. Брошенные дети! Одни на своей планете... Целая цивилизация детей, с врожденным поражением чувствительности и разума. Она не ведает, что творит. Страшное зрелище!

Сегодня, на исходе тысячелетия, многие люди (у кого гены не так сильно повреждены) начинают взрослеть и хватаются за голову – недра Земли выхолощены, воздухом трудно дышать, в реках нельзя купаться, из мельчайшей искры по пустяку вспыхивает пламя вооруженных конфликтов, а при тысячекратном росте производства миллионы людей влачат нищенское существование! Что делать? Сытый голодного не вразумит, а зрячий не поставит слепого на путь истинный. Политического решения глобальных вопросов нет. Нет никаких наций и государств как субъектов разумных действий. Есть лишь мы с вами – ничейная ватага неудачливых детей, которые придумали себе гимны, флаги, должности, самоутверждаются в них и трясутся при этом от страха...

Очевидно, что «нужна немедленная психологическая революция», – как пишет Дж. Кришнамурти, – в противном случае никакие законы и санкции не помешают незрелому, неразумному подавляющему большинству людей загадить и

уничтожить планету. Очевидно также, что вопрос «как осуществить эту революцию?» не может быть поставлен. Ответа на него просто никто не знает – ни передовой класс, ни организованная «истинная» религия. Важно просто всем осознать, что меняться жизненно необходимо. Уже в самом виденье неотложности изменений заключено спасение – и нас и мира вокруг...

Михаил Кирюшкин

Глава I. Осознание

Посетитель: Мне хотелось бы узнать, что вы подразумеваете под осознанием, потому что вы часто говорили, что осознание – это подлинное содержание вашего учения. Я старался понять этот вопрос, слушая ваши беседы и читая ваши книги; но мне кажется, что я ушел не очень далеко. Я знаю, что это не какая-то практика, и я понимаю, почему вы так настоятельно отвергаете любого рода практику, тренировку, систему, дисциплину или рутину. Я понимаю, как это важно: ведь иначе осознание становится механическим, и к концу его ум делается тусклым и глупым. Если можно, мне хотелось бы подвергнуть вместе с вами исследованию вопрос о том, что это значит – осознавать. Вы, как будто, придаете этому слову некоторый дополнительный, более глубокий смысл; и все же мне кажется, что мы постоянно осознаем происходящее. Когда я опечален, я это знаю; знаю и когда я счастлив.

Кришнамурти: Интересно, действительно ли мы осознаем гнев, печаль, счастье? Или мы осознаем эти состояния только тогда, когда они уже прошли? Давайте начнем обсуждение этого вопроса, как если бы мы совсем ничего о нем не знали – с самого начала. Не будем делать никаких утверждений, догматических или скрытых, но просто исследуем этот вопрос. Если проникнуть в него по-настоящему весьма

глубоко, он откроет нам некоторое необычное состояние, с каким наш ум, вероятно, никогда не соприкасался, измерение, не затрагиваемое поверхностным осознанием. Начнем с поверхностного явления и разберем его до конца.

Мы видим глазами, мы воспринимаем органами чувств окружающие нас предметы – окраску цветов, калибри над цветком, свет этого калифорнийского солнца, целую тысячу звуков различного качества и различной тонкости, глубину и высоту, тень дерева и само дерево. Точно так же мы ощущаем свои собственные тела, которые суть орудия этих разнообразных поверхностных чувственных восприятий. Если бы восприятия оставались на поверхностном уровне, никакой путаницы не было бы. Этот цветок, анютины глазки, роза – вот они здесь; все так и есть. Нет никакого предпочтения, никакого сравнения, никаких «нравится» или «не нравится», – а есть только находящаяся перед нами вещь без какой-либо психологической вовлеченности.

Полностью ли ясно вам это поверхностное чувственное восприятие, или поверхностное осознание? Его можно расширить до самых звезд, до глубины морей, до конечных пределов научного наблюдения при помощи использования всех инструментов современной техники.

Посетитель: Да, я думаю, мне это понятно.

Кришнамурти: Итак, вы видите, что вот эта роза, как и вся вселенная, и люди внутри нее, и ваша жена, если она у вас есть, звезды, моря, горы, микробы, атомы, нейтроны,

эта комната, дверь – все они действительно существуют. Теперь – следующий шаг: то, что вы думаете об этих вещах, что чувствуете по отношению к ним, есть ваша психологическая реакция на них; и мы называем это мыслями или эмоциями. Так что поверхностное осознание есть очень простая вещь – вон там дверь! Но описание двери – это не сама дверь; и когда вы эмоционально поглощены описанием, вы не видите двери. Таким описанием может быть одно слово, или научный трактат, или сильная эмоциональная реакция; но ничто из этого не является самой дверью. Если мы этого не поймем, мы будем запутываться все больше и больше. Описание никогда не бывает описываемым предметом. Хотя даже и сейчас мы описываем нечто, – и нам необходимо описывать, – вещь, которую мы описываем, не является нашим описанием ее. Поэтому, пожалуйста, в течение всей нашей беседы имейте это в виду. Никогда не смешивайте слово с той вещью, которую оно описывает. Слово никогда не бывает реальностью; а мы легко увлекаемся, когда переходим к следующей стадии осознания, где оно становится личным, и благодаря слову делается эмоциональным.

Итак, существует поверхностное осознание дерева, птицы, двери; и есть реакция на него – мысль, чувство, эмоция. Теперь, когда мы осознали эту реакцию, мы могли бы назвать ее второй глубиной осознания. Существует осознание розы и осознание реакции на розу. Зачастую эту реакцию на розу мы не осознаем. В действительности же здесь одно и то

же осознание видит розу и видит реакцию; это одно движение и было бы ошибочным говорить о внешнем и внутреннем осознании. Когда налицо зрительное осознание дерева без какой-либо психологической вовлеченности, во взаимоотношениях нет разделения. Но когда существует психологическая реакция на дерево, такая реакция будет обусловленной; это – реакция памяти, прошлого опыта; и эта реакция есть разделение во взаимоотношениях. Она представляет собой рождение того, что мы назовем «я» и «не-я» в процессе взаимоотношений. Вот таким образом вы ставите себя во взаимоотношения с миром, так создаете индивида и общество. Мир видится не таким, каков он есть, а в своих разнообразных взаимоотношениях с «я», которое есть принадлежность памяти. Подобное разделение – это жизнь, это расцвет всего того, что мы называем своим психологическим бытием, и как раз отсюда возникают все противоречия и разделения. Вполне ли вы уверены, что восприняли это? Когда существует осознание дерева, тогда нет оценки. Но когда имеется реакция на дерево, когда о нем выносятся суждения, когда оно нравится или не нравится, тогда в этом осознании имеет место разделение на «я» и «не-я», причем «я» отлично от наблюдаемого предмета. Такое «я» во взаимоотношениях представляет собой ответ со стороны прошлого, памяти, былого опыта. И вот может ли существовать осознание, наблюдение дерева, без какого-либо суждения, может ли существовать также наблюдение ответа, реакции, без ка-

кого-либо вывода?

Таким путем мы искореним принцип разделения, принцип «я» и «не-я», когда смотрим на дерево и на себя.

Посетитель: Я стараюсь следить за вами. Посмотрим, правильно ли я понял вас. Существует осознание дерева – это я понимаю. Существует психологическая реакция на дерево – мне понятно и это. Такая психологическая реакция составлена из прошлых воспоминаний и прошлого опыта; это чувства «мне нравится» и «мне не нравится», это разделение на «дерево» и «меня». Да, думаю, я понимаю все это.

Кришнамурти: Так ли это вам ясно, как ясно само дерево, или тут только ясность описания? Помните, как мы уже сказали, предмет описания – это не описание. Что же вы получили: самый предмет или его описание?

Посетитель: Думаю, что предмет.

Кришнамурти: Поэтому здесь нет «я», которое представляет собой описание в процессе виденья этого факта. В виденье любого факта «я» нет. Существует или «я», или виденье; обоих быть не может. «Я» – это отсутствие виденья. «Я» не в состоянии видеть, «я» не может осознавать.

Посетитель: Разрешите мне здесь остановиться. Я думаю, что почувствовал сказанное, но мне нужно, чтобы оно погрузилось в глубину. Можно мне завтра прийти еще раз?

Посетитель: Я думаю, что понял по-настоящему, не на словесном уровне, то, что вы сказали вчера. Существует осознание дерева, существует обусловленная реакция на дере-

во, и эта обусловленная реакция есть конфликт; это действие памяти и прошлых переживаний, чувство «мне нравится» и «мне не нравится», это предубежденность, Я понимаю также, что эта реакция со стороны предубежденности есть рождение того, что мы называем «я» или цензором. Мне ясно видно, что это «я», «мое», существует во всех взаимоотношениях. Ну, а существует ли какое-нибудь «я» вне взаимоотношений?

Кришнамурти: Мы увидели, как тяжело обусловлены наши реакции. Когда вы спрашиваете, существует ли «я» вне взаимоотношений, пока нет свободы от этих обусловленных ответов, ваш вопрос становится просто спекулятивным. Понимаете ли вы это? Поэтому наш первый вопрос – не о том, существует или нет «я» вне обусловленных реакций, а скорее о том, способен ли ум, в который включены и все наши чувства, быть свободным от этой обусловленности, которая есть прошлое. Прошлое – это и есть «я». В настоящем нет никакого «я». Пока ум оперирует в прошлом, налицо «я», и ум есть это прошлое, ум есть это «я».

Вы не можете сказать, что существует ум и существует прошлое – неважно, какой давности это прошлое: несколько дней или десять тысяч лет. И вот мы спрашиваем: может ли ум освободиться от вчерашнего дня? Таким образом, в вопрос включено несколько аспектов, не правда ли? Во-первых, имеется поверхностное осознание. Затем – осознание обусловленной реакции. Далее – постижение того факта, что

ум есть прошлое, что ум и есть эта обусловленная реакция. Потом имеется вопрос о том, может ли мы освободиться от прошлого. И все это представляет собой одно целостное действие осознания, потому что здесь нет никаких умозаключений. Когда мы говорим, что ум есть прошлое, это понимание является не словесным выводом, а действительным восприятием факта. У французов есть особое слово для такого восприятия факта: они называют его «констатацией». Когда мы спрашиваем, может ли ум быть свободным от прошлого, кто задает вопрос – не тот ли цензор, не то ли самое «я», которое и есть само это прошлое?

Посетитель: Но разве может ум быть свободным от прошлого?

Кришнамурти: Кто задает этот вопрос? То ли существо, которое представляет собой результат огромного числа конфликтов, воспоминаний и переживаний – не оно ли задает этот вопрос? Или он возникает сам по себе из восприятия факта? Если данный вопрос является вопросом наблюдателя, тогда этот наблюдатель пытается ускользнуть от факта собственного существования, «ибо, – говорит он, – я так долго жил в страданиях, в тревогах, в печали, и мне хотелось бы выйти за пределы этой постоянной борьбы». Если он задает такой вопрос в силу именно этого мотива, его ответом будут поиски убежища в какой-то форме бегства. Человек или отворачивается от факта, или смотрит на него. И вот слово, символ есть средство отвернуться от факта. В самом деле,

разве простая постановка данного вопроса уже не является актом бегства? Давайте же осознаем, является или нет заданный вопрос актом бегства. Если да, то это просто шум. Если же здесь нет наблюдателя, тогда существует безмолвие, полное отрицание всего прошлого.

Посетитель: Тут я ничего не понимаю. Как могу я за несколько секунд стереть прошлое?

Кришнамурти: Будем иметь в виду, что мы обсуждаем осознание, что мы с вами беседуем о проблеме осознания.

Есть дерево – и есть обусловленная реакция на дерево, представляющая собой «я» во взаимоотношениях, то «я», которое есть самый центр конфликта. И вот это ли «я» задает вопрос? – то ли самое «я», которое, как мы сказали, является самой структурой прошлого? Если такой вопрос задан не структурой прошлого, не этим «я», – тогда нет и структуры прошлого. Когда же этот вопрос задает сама данная структура, она действует по отношению к факту существования самой себя: она боится себя и действует с целью убежать от себя. Когда же этот вопрос задан не ею, тогда она не действует по отношению к самой себе. Повторим: есть дерево, есть слово, реакция на дерево, которая представляет собой цензора, «я», приходящее из прошлого; и затем существует вопрос: могу ли я спастись от всей этой суматохи, от всех мучений? Если данный вопрос задает само «я», оно благодаря ему увековечивает самого себя.

И вот, осознав это, оно не задает вопроса! Когда налицо

осознание, понимание того, что подразумевает данный вопрос, задать его нельзя. Ум совсем не задает такого вопроса, потому что видит ловушку. Понятно ли вам теперь, что все осознание поверхностно? Это и есть то же самое осознание, которое видит дерево.

Посетитель: А разве есть какой-либо иной вид осознания? Разве существует какое-то другое измерение для осознания?

Кришнамурти: Опять-таки, будем осторожны, убедимся со всей ясностью, что мы задаем этот вопрос не под влиянием какого-то мотива. Если здесь есть некоторый мотив, мы снова оказываемся в ловушке обусловленного ответа. Когда наблюдатель полностью безмолвен, – а не принужден к безмолвию, – тогда, несомненно, проявляется некое другое качество осознания.

Посетитель: Какое же действие при каких бы то ни было обстоятельствах возможно без наблюдателя – какой вопрос или какое действие?

Кришнамурти: Еще раз – откуда вы задаете вопрос: с этого берега реки или с того берега? Если вы находитесь на другом берегу, вы не зададите такого вопроса; а если вы находитесь на этом берегу, ваше действие будет привязано к этому берегу, так что остается лишь осознание этого берега со всей его структурой, его природой, со всеми ловушками; и пытаться спастись от ловушки, значит попасть в другую ловушку. Какая во всем этом смертельная монотонность! Осо-

знание показало нам природу ловушки, и поэтому в нем существует отрицание всех ловушек; так что сейчас ум пуст, в нем не содержится ни «я», ни ловушки. Этот ум обладает каким-то другим измерением осознания. Это осознание не осознает своего осознания.

Посетитель: Бог мой, это слишком уж трудно! Вы говорите такие вещи, которые кажутся правильными, звучат, как истина; но я все еще не могу туда добраться. Можете ли вы выразить все это по-иному? Можете ли вы вытолкнуть меня из моей ловушки?

Кришнамурти: Никто не в состоянии вытолкнуть вас из вашей ловушки – никакой гуру, никакой наркотик, никакая мантра, никто, в том числе и я. Никто, а в особенности я. Все, что вам нужно делать, – это осознавать от начала и до конца, не делаться невнимательным в середине осознания. Это новое качество осознания есть внимание, и в таком внимании нет границы, проведенной «я». Это внимание и есть высочайшая форма добродетели, поэтому оно являет собой любовь. Здесь высочайшее понимание; и внимания не может быть, если вы нечувствительны к структуре и природе этих ловушек, созданных человеком.

Глава II. Существует ли какой-нибудь Бог?

Посетитель: Я хотел бы по-настоящему знать, существует ли какой-нибудь бог. Если нет, то жизнь не имеет смысла. Не зная бога, человек изобретал его в тысячах верований и образов. Разделение и страх, порожденные всеми этими верованиями, отделили человека от его собратьев-людей. Чтобы избавиться от страданий и зла, вызванных этим разделением, он создает еще новые верования, но попадает в пучину возрастающего смятения и горя. Не зная, мы верим. Могу ли познать Бога? Я задавал этот вопрос многим святым в Индии и здесь; и все они подчеркивали значение веры. «Верь, и тогда узнаешь; без веры ты никогда не сможешь узнать». А что думаете вы?

Кришнамурти: Необходима ли вера для того, чтобы найти? Учиться гораздо важнее, чем знать. Исследование веры есть конец веры. Когда ум свободен от веры, тогда он способен смотреть. Именно вера или неверие связывают; потому что неверие и вера – одно и то же; это противоположные стороны одной и той же монеты. Поэтому мы не можем целиком отбросить положительную или отрицательную веру; верующий и неверующий одинаковы. И когда вера действительно отброшена, тогда вопрос: «Существует ли какой-нибудь

бог?» обладает совершенно иным смыслом. Слово «бог» со всей его традицией, с его интеллектуальными и эмоциональными значениями – все это не бог. Слово не есть реальность. Так вот, может ли ум быть свободным от слова?

Посетитель: Я не знаю, что это значит.

Кришнамурти: Слово есть традиция, надежда, желание найти абсолютное, попытка обрести конечное, движение, которое придает жизненность существованию. Таким образом, само слово становится конечным пределом; однако мы можем видеть, что слово – это не вещь. Ум есть слово, и слово есть мысль.

Посетитель: И вы просите меня полностью освободиться от слова? Как могу я это сделать? Слово есть прошлое, это память. Жена – это слово, и дом – это слово. В начале было слово. Слово есть также средство общения, опознавания. Ваше имя – не вы, но все же без вашего имени мне нельзя было бы спросить о вас. И вы спрашиваете меня, может ли ум быть свободным от слова, то есть, может ли ум быть свободным от собственной деятельности.

Кришнамурти: В случае дерева предмет находится у нас перед глазами, и слово относится к дереву по всеобщему соглашению. А вот для слова «бог» нет ничего, к чему оно относилось бы; поэтому каждый человек создает собственный образ того, на что нет никаких указаний. Теолог делает это одним способом, интеллигент – другим; верующий и неверующий – своими различными способами. Надежда порождает

эту веру, а затем искание. Такая надежда есть следствие отчаяния, которое мы видим вокруг себя во всем мире. Из отчаяния рождается надежда; и это тоже две стороны одной и той же монеты. Когда нет никакой надежды, существует ад; страх ада придает нам жизненность надежды. Тогда начинается иллюзия. Таким образом, слово привело нас к иллюзии, а совсем не к богу.

Бог есть иллюзия, которой мы поклоняемся; и неверующий создает иллюзию другого божества, которому поклоняется он: это государство, или какая-нибудь утопия, или какая-нибудь книга, которая, как он думает, содержит всю истину. Поэтому я и спрашиваю вас, можете ли вы быть свободным от слова с его иллюзией.

Посетитель: Мне нужно медитировать об этом.

Кришнамурти: Если нет никакой иллюзии, что остается?

Посетитель: Только то, что есть.

Кришнамурти: Вот это «то, что есть» и является самым священным.

Посетитель: Если «то, что есть» является самым священным, тогда самым священным являются война, ненависть, беспорядок, страдание, скупость, грабеж. Тогда нам вообще не следует говорить о какой-нибудь перемене. Если «то, что есть» священо, тогда каждый убийца, грабитель и эксплуататор может сказать: «Не троньте меня, то, что я делаю, священо».

Кришнамурти: Сама простота этого утверждения – «То, что Есть, является наиболее священным» – ведет к большому непониманию потому, что мы не видим его истины. Если вы видите, что то, что есть, священно, вы не убиваете, вы не ведете войн, вы не надеетесь, не эксплуатируете. Совершая такие поступки, вы не можете провозглашать свою неприкосновенность, исходя из истины, которую сами нарушили. Белый человек, который заявляет черному мятежнику: «То, что есть, священно, так что не создавай помех, не устраивай поджогов» – ничего не увидел; ибо если бы он видел истину, негр был бы для него священным, и последнему не было бы необходимости устраивать поджоги. Поэтому если каждый из нас увидит истину, перемена должна произойти. Такое видение истины и есть перемена.

Посетитель: Я пришел сюда выяснить, есть ли Бог, а вы полностью меня смутили.

Кришнамурти: Вы пришли спросить, есть ли Бог. Мы сказали: слово ведет к иллюзии, которой мы поклоняемся, и ради этой иллюзии мы добровольно уничтожаем друг друга. Когда нет никакой иллюзии, тогда «то, что есть» является самым священным. Теперь давайте посмотрим на то, что действительно существует. В данный момент «то, что есть» может представлять собой страх или крайнее отчаяние, или мимолетную радость. Эти вещи непрерывно меняются. Существует также наблюдатель, который говорит: «Все эти вещи вокруг меня изменяются, а я остаюсь неизменным». Разве

это факт, разве здесь, перед нами, то, что есть в действительности? Разве и он также не меняется, не прибавляет нечто к себе и не отнимает чего-то от себя, разве он не подвергается видоизменениям, не приспособливается, не становится чем-то? Итак, наблюдатель и объект наблюдения постоянно изменяются. То, что есть – это изменение. Таков факт. Он и представляет собой «то, что есть».

Посетитель: Тогда подвержена ли перемене любовь? Если все представляет собой движение изменений, не является ли и любовь частью этого движения? Если же любовь подвластна изменению, тогда я могу сегодня любить одну женщину, а завтра спать с другой.

Кришнамурти: Разве это любовь? Или вы говорите, что любовь отличается от своего выражения? Или вы придаете выражению больше значения, чем самой любви – и потому создаете противоречие и конфликт? Может ли любовь когда-нибудь оказаться уловленной в колесо перемен? Если так, тогда она может быть и ненавистью; тогда любовь и есть ненависть. «То, что есть» бывает самым священным только тогда, когда нет иллюзии; тогда «то, что есть» – это бог или всякое иное имя, которое можно употребить. Поэтому бог – или как бы вы это ни называли, – существует тогда, когда вас нет. Когда вы существуете, его нет. Когда вас нет, есть любовь. Когда существуете вы, любви нет.

Глава III. Страх

Посетитель: Я принимал различные наркотики, но сейчас свободен от них. Почему я так всего боюсь? По утрам я просыпаюсь, парализованный страхом; мне с трудом удается встать с кровати. Мне страшно выходить из дому, и я также боюсь оставаться дома. Внезапно, когда я веду автомобиль, меня охватывает этот страх, и я весь день нервничаю, обливаюсь потом, ощущаю тревогу, а к концу дня оказываюсь совершенно без сил. Иногда в компании немногих близких друзей или в доме родителей я утрачиваю свой страх, но это случается редко; тогда я чувствую себя счастливым, спокойным, совершенно спокойным. Сегодня, когда я ехал сюда в автомобиле, я чувствовал боязнь увидеть вас; но когда я подъехал к дому и зашагал к двери, я неожиданно утратил свой страх. И вот сейчас, сидя здесь, в этой приятной спокойной комнате, я чувствую себя столь счастливым, что не могу понять, чего я всегда опасаясь, В эту минуту я не ощущаю страха, я могу улыбаться и от души сказать, что очень рад вас видеть. Но ведь я не в состоянии остаться у вас навсегда; и я знаю, что когда уйду отсюда, меня снова укутает облако страха. Вот с чем мне пришлось встретиться; я был у множества психиатров и психоаналитиков здесь и за границей; однако они только копаются в воспоминаниях моего детства – и мне это опротивело потому, что сам страх совсем

не исчез.

Кришнамурти: Забудем воспоминания детства и весь этот вздор, перейдем к настоящему. Вот вы находитесь здесь; и вы говорите, что сейчас не чувствуете страха; в данный момент вы счастливы и едва можете представить тот страх, который ощущали. Почему же сейчас у вас нет страха? Является ли тому причиной эта спокойная чистая комната хороших пропорций, обставленная с большим вкусом, это чувство приветливой теплоты, которое вы испытываете? Потому ли вы теперь не боитесь?

Посетитель: Частично это так. Возможно, это связано с вами. Я слышал вашу беседу в Швейцарии, слышал вас и здесь, и я чувствую по отношению к вам особого рода дружбу. Но я не хочу находиться в зависимости от красивых домов, доброжелательной атмосферы и хороших друзей, чтобы не бояться. Когда я иду к родителям, я ощущаю то же самое чувство теплоты. Однако в их доме царит мертвящая атмосфера: все семьи ужасны с их мелочной, замкнутой деятельностью, с их ссорами, со всей вульгарной, громкой болтовней ни о чем, с их лицемерием. Меня тошнит от этого. Все же, когда я иду к ним, там существует известная теплота, и я действительно в течение некоторого времени ощущаю свободу от страха. Психиатры не могут сказать мне, чего я боюсь. Они называют мое состояние «блуждающим страхом». Это какая-то черная, бездонная, ужасающая пропасть. Я истратил на анализ много денег и времени, но в действитель-

ности он мне ничем не помог. Как же мне быть?

Кришнамурти: Не в том ли дело, что вы – чувствительный человек и нуждаетесь в каком-то убежище, в некоторой безопасности; будучи неспособны найти их, вы боитесь этого безобразного мира. Чувствительны ли вы?

Посетитель: Да, я думаю, что это так. Да, я чувствительный человек, хотя, пожалуй, не в том смысле, в каком вы употребляете это слово. Я не люблю шум, суету, вульгарный характер нынешнего современного существования; мне не нравится то, как вас сегодня отовсюду оглушают сексом, не нравится вся постановка дела, когда вам надо пробивать дорогу к какому-нибудь ничтожнейшему скверному месту. Действительно, все это меня пугает. Не то, чтобы я сам не мог бороться и завоевать себе положение, но такой образ действий вызывает во мне болезненный страх.

Кришнамурти: Чувствительные люди в большинстве своем нуждаются в спокойном убежище, в теплой дружеской атмосфере. Или они сами создают ее для себя, или находятся в зависимости от других людей, которые могут им дать ее – от семьи, от жены, от мужа, от друга. Есть ли у вас такой друг?

Посетитель: Нет. Я боюсь зависеть от такого друга, а потому боюсь его.

Кришнамурти: Итак, вот наш вопрос: чувствительность, которая требует некоторого убежища, и зависимость от других, дающая вам такое убежище. Налицо чувствительность и

зависимость; обе они зачастую идут рука об руку. И так что ваша зависимость все более и более возрастает, пропорционально ей растет и страх. Это порочный круг. Производили ли вы исследование того, почему вы попадаете в зависимость? Мы зависим от почтальона, от физических удобств и тому подобного; это очень просто. В своем физическом благосостоянии мы зависим от людей и от вещей, они необходимы, чтобы мы могли жить; такое положение вполне естественно и нормально. Нам приходится зависеть от того, что можно назвать организационной стороной общества. Но мы также находимся в психологической зависимости, и подобная зависимость, хотя она и приносит нам успокоение, порождает страх. Почему же мы оказываемся в психологической зависимости?

Посетитель: Теперь вы говорите мне о зависимости, а я пришел сюда поговорить о страхе.

Кришнамурти: Рассмотрим оба явления, потому что они связаны друг с другом, как мы это увидим дальше. Вы не возражаете, если мы рассмотрим их оба? Итак, мы говорили о зависимости. Что такое зависимость? Не есть ли зависимость отрицание свободы? Отнимите у человека дом, мужа, жену, детей, имущество – и чем будет человек, если у него отнять все это? Внутри самого себя он неполон, пуст, потерян. И вот вследствие этой пустоты, которой он боится, он находится в зависимости от собственности, от людей и верований. Вы можете ни капли не сомневаться во всех вещах, от

которых зависите, так что вам даже в голову не придет, что вы в состоянии когда-либо их лишиться, – лишиться любви своей семьи или жизненных удобств, – однако страх продолжает существовать. Поэтому нам необходимо установить со всей ясностью, что любая форма психологической зависимости неизбежно должна порождать страх, хотя вещи, от которых вы зависите, могут казаться почти неразрушимыми. Страх возникает из этой внутренней неполноты, внутренней нищеты и пустоты. Так видите ли вы теперь, что у нас имеется три вопроса: чувствительность, зависимость и страх? Эти три предмета взаимно связаны. Возьмите чувствительность: чем более вы чувствительны (если вы не понимаете, как остаться чувствительным без зависимости, как быть ранимым без агонии), тем более вы зависимы. Затем возьмите зависимость: чем более вы зависимы, тем сильнее ваше внутреннее отвращение и потребность быть свободным. Эта потребность в свободе поощряет страх, потому что она представляет собой реакцию, а не свободу от зависимости.

Посетитель: А вы находитесь в зависимости от чего-нибудь?

Кришнамурти: Конечно, физически я нахожусь в зависимости от пищи, одежды и жилья, но психологически, внутренне я ни от чего не завишу – ни от богов, ни от общественной морали, ни от какой-либо веры, ни от людей. Но вопрос в том, зависим ли я, к делу не относится. Итак, продолжим: страх – это осознание нашей внутренней пустоты, нашего

одинокости, нашей нищеты, нашей неспособности чего-либо с этим сделать. Мы заняты только страхом, который порождает зависимость и в свою очередь возрастает в результате зависимости. Если мы понимаем страх, мы понимаем также и зависимость. Поэтому для понимания страха должна существовать чувствительность, чтобы можно было открыть его, понять, как он проявляется. Если человек вообще невосприимчив, он начинает сознавать свою собственную необычайную пустоту; это – бездонная пропасть, которую невозможно заполнить вульгарными развлечениями в виде наркотиков или церкви, общественными увеселениями. Ничто никогда ни в состоянии ее заполнить. Вы знаете это, и страх возрастает. Такое обстоятельство приводит вас к зависимости, которая делает вас все более и более нечувствительным. Осознавая это, вы боитесь. Поэтому теперь наш вопрос заключается в следующем: как можно человеку перейти за пределы этой пустоты, этого одиночества? – но тут вопрос не в том, как быть самодостаточным, не в том, как постоянно скрывать эту пустоту под камуфляжем.

Посетитель: Почему вы говорите, что вопрос не в том, как стать самодостаточным?

Кришнамурти: Потому что, если вы самодостаточны, вы более не обладаете чувствительностью, вы сделались самодовольным и черствым, безразличным и замкнутым. Быть независимым, выйти за пределы зависимости, не означает стать самодостаточным. Способен ли ум встретиться лицом

к лицу с такой пустотой и жить с ней, не спасаясь бегством в каком-либо направлении?

Посетитель: Мысль о том, что мне придется жить с ней все время, сведет меня с ума!

Кришнамурти: Любое движение прочь от этой пустоты есть бегство. И такое бегство от чего-то, от «того, что есть», представляет собой страх. Страх – это бегство от чего-то. То, что есть – это не страх; это – бегство, которое есть страх; именно оно сводит вас с ума, а не пустота сама по себе. Так что же такое эта пустота, это одиночество? Как оно проявляется? Несомненно, благодаря сравнению и измерению, не правда ли? Я сравниваю себя со святым, с мастером, с великим музыкантом, с человеком, который знает, с человеком, который достиг. В этом сравнении я нахожу себя неполноценным, недостаточным; у меня нет таланта, я ничто, я ниже, я не «постиг»; а тот человек представляет собой нечто. Таким образом, благодаря измерению и сравнению образуется огромная трещина пустоты и ничтожества. Бегство от этой трещины есть страх. А страх не дает нам возможность понять бездонную пропасть; это невроз, который питается за счет самого себя. Опять-таки подобное измерение, сравнение представляет собой самую суть зависимости. И вот мы снова пришли к зависимости, мы замкнулись в порочном круге.

Посетитель: В этой дискуссии мы проделали долгий путь, и явления стали более ясными. Существует зависи-

мость; возможно ли не быть зависимым? Да, я думаю, что это возможно. Затем мы имеем страх; можно ли вообще не убежать от пустоты, иными словами, не искать спасения в страхе? Да, я полагаю, возможно. Это значит, что мы остаемся с пустотой. Далее, возможно ли встретиться с этой пустотой лицом к лицу, поскольку мы перестали убегать от нее, гонимые страхом? Да, я думаю, что и это возможно. Наконец возможно ли не измерять, не сравнивать? Ибо если мы зашли так далеко, – и я думаю, что так оно и есть, что остается только эта пустота, – тогда видно, что пустота есть результат сравнения. Видно также, что зависимость и страх суть последствия пустоты. Итак, существует сравнение, пустота, страх, зависимость. Но способен ли я действительно жить без сравнения, без измерения?

Кришнамурти: Конечно, для того, чтобы расстелить на полу ковер, нужно определить размеры.

Посетитель: Да, но я имею в виду психологическое сравнение.

Кришнамурти: Знаете ли вы, что это такое – жить без психологического сравнения, когда всю свою жизнь вы были обусловлены для сравнения – в школе, в играх, в университете, в учреждении? Сравнение – это все! Жить без сравнения! Знаете, что это значит? Это значит отсутствие зависимости, отсутствие самодостаточности; никаких исканий, никаких просьб; следовательно, это означает – любить. Любовь не имеет сравнения и поэтому свободна от страха. Любовь не

осознает себя, как любовь, потому что слово – это не вещь.

Глава IV. Как жить в этом мире?

Посетитель: Пожалуйста, сэръ, не могли бы вы мне сказать, как мне жить в этом мире? Я не хочу быть его частью, однако мне приходится жить в нем: мне надо иметь дом и зарабатывать на жизнь. И мои соседи – люди этого мира; мои дети играют с их детьми; и вот таким образом поневоле делаешься частью этого уродливого беспорядка. Мне нужно выяснить, как жить в этом мире, не убегая от него, не уходя в монастырь, не пускаясь в кругосветное путешествие на парусном судне. Я хочу воспитать своих детей иначе, но сначала мне самому надо узнать, как жить в окружении этой массы насилия, жадности, лицемерия, соперничества и грубости.

Кришнамурти: Не будем делать из этого проблему. Когда нечто становится проблемой, мы захвачены ее решением; и тогда проблема делается клеткой, преградой для дальнейшего исследования и понимания. Поэтому не будем сводить всю жизнь к одной обширной и сложной проблеме. Если этот вопрос задан для того, чтобы преодолеть общество, в котором мы живем, или найти ему замену, или попытаться убежать от него, это должно с необходимостью привести к лицемерной и противоречивой жизни. Данный вопрос подразумевает также полное отрицание любой идеологии, не правда ли? Если вы по-настоящему исследуете, вы не можете начинать с вывода; а все идеологии представляют собой вывод.

Поэтому нам необходимо начать с выяснения того, что вы подразумеваете под жизнью.

Посетитель: Прошу вас, сэр, пойдемте шаг за шагом.

Кришнамурти: Очень рад, что мы можем углубиться в этот вопрос терпеливо, шаг за шагом, с исследовательским умом и сердцем. Итак, что вы подразумеваете под жизнью?

Посетитель: Я никогда не пробовал выразить это в словах. Я нахожусь в затруднении, не знаю, как жить, что делать. Я утратил веру во все – в религию, в философские системы, в политические утопии. Существует война между индивидами и между целыми нациями. В этом перmissiveм обществе все дозволено – убийства, бунты, циничное угнетение одной страны другой; и никто ничего не предпринимает по этому поводу, так как вмешательство могло бы означать мировую войну. Я столкнулся со всем этим и не знаю, что делать, не знаю, как вообще жить. Мне и не хочется жить среди такого смятения.

Кришнамурти: Чего же вы добиваетесь – просто другого образа жизни или некоторой совершенно новой жизни, которая приходит с пониманием старой? Если вы хотите вести иную жизнь, не поняв того, что вызвало это смятение, вы всегда будете находиться в противоречии, в конфликте, в смятении. И, конечно, это совсем не новая жизнь. Итак, чего вы добиваетесь: новой жизни или видоизмененного продолжения старой, или понимания этой старой жизни?

Посетитель: Мне совсем не ясно, чего я хочу; но я на-

чинаю видеть, чего я не хочу.

Кришнамурти: А на чем основано то, чего вы не хотите: на вашем свободном понимании или на вашем удовольствии и страдании? Выносите ли вы суждение исходя из своего бунта, или вы понимаете причины этого конфликта и несчастья и, увидев их, отвергаете их?

Посетитель: Вы предлагаете мне слишком много вопросов. Все, что я знаю, – это то, что я хочу вести жизнь другого рода. Я не знаю, что это значит; я не знаю, почему я ищу ее; и, как я сказал, я совершенно сбит с толку всем происходящим.

Кришнамурти: Ваш основной вопрос – как вам жить в этом мире, не так ли? Прежде, чем вы это выясните, давайте сначала посмотрим, что представляет собой этот мир. Мир – это не только то, что нас окружает, это также наши взаимоотношения со всеми вещами и людьми, наше отношение к самим себе и к идеям. Иными словами, наши взаимоотношения с собственностью, с людьми, с идеями – фактически наши взаимоотношения с потоком событий, который мы называем жизнью. Это и есть мир. Мы видим разделение на национальности, на религиозные, экономические, социальные, политические и этнические группы; весь мир разбит и разорван во внешней жизни, равно как все люди разорваны во внутренней жизни. Фактически эта внешняя разорванность является проявлением внутреннего разделения человека.

Посетитель: Да, я очень ясно вижу эту разорванность;

я также начинаю понимать, что в ней повинен сам человек.

Кришнамурти: Именно вы и есть этот человек!

Посетитель: Так могу ли я жить иначе, могу ли я стать иным? Сейчас я неожиданно глубоко ощутил, что если я должен жить по-иному, мне необходимо заново родиться – с новым умом и сердцем, с новыми глазами. Я понимаю также, что этого не произошло. Я живу, как жил; и мой образ жизни сделал жизнь такой, какова она есть! Но куда же идти отсюда?

Кришнамурти: Отсюда вы никуда не уйдете! Идти некуда. Если мы идем или ищем идеал, ищем то, что считаем лучшим, это дает нам ощущение прогрессирувания, движения в сторону лучшего мира. Но такое движение – совсем не движение, ибо его цель спроецирована из нашего несчастья, нашего смятения, из нашей жадности и зависти. Поэтому подобная цель, которая, как предполагается, противоположна тому, что есть, в действительности представляет собой то же самое, ибо она порождена тем, что есть. Поэтому она создает конфликт между тем, что есть, и тем, что должно быть. Вот откуда возникает наше основное смятение, наш конфликт. Конец не там, не за стеной; оба – и начало, и конец – находятся здесь.

Посетитель: Пожалуйста, сэр, подождите минуту; этого я совсем не понимаю. Вы говорите мне, что идеал, то, что должно быть, представляет собой результат непонимания того, что есть? Вы говорите, что то, что должно быть, – это то,

что есть, и что движение от того, что есть, к тому, что должно быть в действительности совсем не является движением?

Кришнамурти: Это идея, это фикция. Если вы понимаете то, что есть, какая существует необходимость в том, что должно быть?

Посетитель: Так ли это? Я понимаю то, что есть. Я понимаю все скотство, всю омерзительность убийства; и раз я это понимаю, у меня есть идеал – не убивать! Этот идеал рожден из моего понимания того, что есть; поэтому он не является бегством.

Кришнамурти: Если вы понимаете, что убийство ужасно, должны ли вы иметь идеал, чтобы не убивать? Вероятно, мы не достигли ясности относительно слова «понимание». Когда мы говорим, что понимаем нечто, под этим подразумевается, что мы узнали все, что оно может сказать, не правда ли? Мы исследовали нечто и открыли его истину или ложность. При этом также имеется в виду, что такое понимание не есть интеллектуальный процесс, а человек ощущает его в глубине своего сердца. Не так ли? Понимание существует только тогда, когда ум и сердце находятся в совершенной гармонии. Тогда человек говорит: «Я понял это – и покончил с ним!» – и тогда предмет понимания более не имеет жизненной силы, чтобы дать дальнейший конфликт. Придаем ли мы одинаковое значение этому слову «понимание»?

Посетитель: Раньше я не придавал ему такого значения; но сейчас я вижу, что то, то вы говорите, правильно. При-

знаюсь честно, я все же не понимаю, каким образом этот тотальный беспорядок во всем мире, который вы столь верно показали, является и моим собственным беспорядком. Как смогу я это понять? Как смогу я узнать все целиком об этом всеобщем беспорядке и смятении, охватившем мир и меня самого?

Кришнамурти: Пожалуйста, не употребляйте слова «как».

Посетитель: А почему же?

Кришнамурти: Слово «как» подразумевает, что кто-то дает вам некоторый метод, некоторый способ, и если вы станете практиковать его, он принесет вам понимание. Но может ли понимание прийти когда-нибудь благодаря методу? Понимание означает любовь и здоровье ума. А любовь нельзя практиковать, ей нельзя научиться. Здоровье ума может прийти только тогда, когда существует ясное восприятие, когда мы видим вещи такими, каковы они есть, без эмоций, без сентиментальности. Ни одной из этих вещей нельзя научиться от другого человека или от системы, придуманной вами или кем-то другим.

Посетитель: Вы чересчур убедительны, сэр; или, может быть, вы слишком логичны? Не пытаетесь ли вы повлиять на меня, чтобы я видел вещи так, как видите их вы?

Кришнамурти: Боже сохрани! Влияние в любой форме разрушительно для любви. Пропаганда с целью сделать ум чувствительным, бдительным, только сделает его тусклым и

невосприимчивым. Поэтому я никоим образом не пытаюсь влиять на вас, убеждать вас, поставить вас в зависимость. Мы только рассматриваем, исследуем вместе. И для совместного исследования вы должны быть свободны и от меня, и от своих собственных предвзятых мнений и страхов. Иначе вы будете только описывать круги на одном месте. Поэтому нам необходимо вернуться к нашему первоначальному вопросу: как мне жить в этом мире? Чтобы жить в этом мире мы должны отрицать мир. Под отрицанием мы понимаем отрицание идеала, отрицание войны, разорванности, соперничества, зависти и тому подобного. Мы не имеем в виду отрицание мира в той форме, в какой школьник бунтует против родителей. Мы должны отрицать его потому, что мы его понимаем. Это понимание и есть отрицание.

Посетитель: Я перестаю что-либо понимать!

Кришнамурти: Вы сказали, что не хотите жить в смятении, в бесчестье и безобразии этого мира. Таким образом, вы его отрицаете. Но из каких глубинных слоев идет это отрицание, почему вы его отрицаете? Отрицаете ли вы этот мир потому, что хотите жить спокойной жизнью, безопасной и замкнутой, или вы отрицаете его потому, что видите его таким, каков он есть в действительности?

Посетитель: Я думаю, что отрицаю его потому, что вижу все, происходящее вокруг меня. Конечно, в это включены мои предрассудки и страх. Так что здесь получается какая-то смесь из того, что имеет место в действительности, и моей

собственной тревоги.

Кришнамурти: Что же преобладает – ваша озабоченность или подлинное видение того, что происходит вокруг вас? Если преобладает страх, тогда вы не в состоянии видеть то, что на самом деле происходит вокруг вас, ибо страх – это тьма; а во тьме вам абсолютно невозможно что-нибудь увидеть. Если вы поймете это, вы сможете видеть мир таким, каков он есть в действительности, тогда вы сможете видеть себя таким, каким являетесь на самом деле. Потому что вы – это мир, и мир – это вы; это не две отдельные сущности.

Посетитель: Пожалуйста, объясните мне полнее, что вы имеет в виду, говоря, что мир – это я, а я – это мир?

Кришнамурти: Разве тут в самом деле нужны объяснения? Разве вы хотите, чтобы я детально описал, что вы такое, и показал вам, что внутри вас происходит то же самое, что происходит в мире? Разве это описание убедит вас, что вы и есть мир? Будете ли вы убеждены логическим, последовательным объяснением, которое покажет вам причину и следствие? Если вы будете убеждены тщательным описанием, даст ли оно вам понимание? Заставит ли оно вас почувствовать, что вы – это мир, вынудит ли ощутить свою ответственность за мир? Кажется столь ясным, что наша человеческая жадность, зависть, агрессивность и насилие породили общество, в котором мы живем, узаконили принятие того, что мы такое. Я думаю, это достаточно ясно, и не будем более тратить время на данный вопрос. Понимаете, мы ничего

этого не чувствуем, мы не любим; а потому и существует это разделение между мной и миром.

Посетитель: Можно мне еще раз прийти завтра?

На следующий день он пришел опять – нетерпеливый, с глазами, сверкавшими ярким светом исследования.

Посетитель: Если вы не возражаете, мне хотелось бы пойти дальше в вопросе о том, как мне жить в этом мире. Теперь я понимаю – своим умом и сердцем, как вы это объяснили вчера, – крайнюю неважность идеалов. В этом вопросе я пережил довольно долгую борьбу – и пришел к пониманию тривиальности идеалов. Ведь вы говорите, что когда нет идеалов, нет никакого бегства, существует только прошлое, тысяча вчерашних дней, которые составляют «меня», не правда ли? Поэтому, когда я спрашиваю: «Как мне жить в этом мире?» – я уже не только задал неверный вопрос, но также сделал противоречивое утверждение, поставил мир и «меня» в противоположность друг другу. И это противоречие есть то, что я называю жизнью. Так что когда я задаю вопрос: «Как мне жить в этом мире?» – я в действительности пытаюсь исправить данное противоречие, оправдать его, видоизменить положение, потому что это и есть все то, что я знаю; мне неизвестно что-либо другое.

Кришнамурти: Тогда это и есть вопрос, который стоит сейчас перед нами: всегда ли жизнь должна быть прошлым? Должна ли всякая деятельность происходить из прошлого? Являются ли все взаимоотношения результатом прошлого,

является ли жизнь комплексом памяти о прошлом? Вот все, что мы знаем – прошлое, которое видоизменяет настоящее. И будущее является результатом этого прошлого, действующего через настоящее. Таким образом, прошлое, настоящее и будущее – все они суть прошлое. Вот это прошлое мы и называем жизнью. Ум есть прошлое, мозг есть прошлое, чувства суть прошлое; и приистекающее из всего этого действие представляет собой положительную деятельность известного. Данный процесс в его целостности и есть ваша жизнь, все взаимоотношения и деятельность, которые вы знаете. Поэтому, когда вы спрашиваете, как вам жить в этом мире, вы просите лишь о перемене тюрьмы.

Посетитель: Я имею в виду не это. Вот что я хочу сказать: мне очень ясно видно, что процесс моего мышления и действия представляет собой прошлое, которое через настоящее воздействует на будущее. Это все, что мне известно – и это факт. Я отчетливо вижу, что если в данной структуре не произойдет перемены, я окажусь захваченным ею; я сам являюсь ее порождением. Из этого неизбежно возникает вопрос: как мне измениться?

Кришнамурти: Для того, чтобы разумно жить в этом мире, необходима коренная перемена ума и сердца.

Посетитель: Да, но что вы понимаете под переменной? Как мне измениться, если все, что я делаю, представляет собой движение прошлого? Только я могу изменить себя, никто другой не способен изменить меня. И я не вижу, что это

значит – измениться.

Кришнамурти: Итак, вопрос «как мне жить в этом мире?» сейчас принял форму: «как мне измениться?» – имея в виду, что «как» не означает некоторого метода, а представляет собой исследование с целью достичь понимания. Что такое перемена? Или вопрос о существовании какой бы то ни было перемены можно задать только после того, как произошло тотальное изменение, произошла революция? Давайте снова начнем выяснять, что значит это слово. Перемена подразумевает движение от того, что есть, к чему-то другому. Является ли это «нечто другое» всего лишь противоположностью или оно принадлежит к совершенно иному порядку? Если перед нами только противоположность, тогда она вообще не отличается от того, что есть; ибо все противоположности взаимно зависимы, как горячее и холодное, высокое и низкое. Противоположность содержится внутри своей противоположности и предопределена ею; она существует только в сравнении; а вещи, которые можно сравнивать, имеют различные степени одного и того же качества, стало быть, они сходны. Поэтому изменение на противоположность – совсем не перемена. Даже если подобное движение к тому, что представляется иным, дает вам ощущение, что вы действительно что-то делаете, это ощущение является иллюзией.

Посетитель: Подождите минуту, я должен впитать это в себя.

Кришнамурти: Итак, чем мы заняты сейчас? Возможно

ли нам осуществить внутри себя явление источника совершенно нового порядка, не имеющего родства с прошлым? Прошлое не связано с этим исследованием; оно тривиально, так как не имеет соприкосновения с новым порядком.

Посетитель: Как вы можете говорить, что оно тривиально и несовместимо с новым порядком? Мы все время говорим, что наш предмет есть прошлое; а теперь вы утверждаете, что оно не относится к делу.

Кришнамурти: Прошлое представляется единственным предметом потому, что только оно удерживает наш ум и наше сердце. Только оно важно для нас. Но почему мы придаем ему такую важность? Почему это маленькое пространство является самым важным? Если вы полностью погружены в него, полностью ему подчинены, тогда вы ни при каких обстоятельствах не станете слушать о перемене. Только тот человек, который не вполне подчинен прошлому, способен слушать, исследовать, задавать вопросы. И лишь тогда, он сумеет увидеть всю тривиальность этого небольшого пространства. Так как же обстоит дело у вас: полностью ли вы погрузились под воду или ваша голова находится над водой? Если она находится над водой, тогда вы способны видеть тривиальность этой мелочи; тогда вы обладаете пространством, чтобы бросить взгляд вокруг себя. Как глубоко вы погрузились? Никто не сможет ответить на этот вопрос, кроме вас самих. Уже в самой его постановке существует свобода, и потому человек не чувствует страха. Тогда ваше

зрение охватывает обширное пространство. Когда этот стандарт прошлого крепко держит вас за горло, тогда вы приобретаете, принимаете, следуете, верите. И лишь тогда, когда вы осознали, что все это не есть свобода, вы начинаете выкарабкиваться оттуда. И вот мы снова спрашиваем: что такое перемена, что такое революция? Перемена не есть движение от известного к известному; а ведь таковы все политические революции. Перемена подобного рода – не то, о чем мы говорим. Прогрессировать от состояния грешника к состоянию праведника значит прогрессировать от одной иллюзии к другой. И вот теперь мы свободы от перемены, как движения от этого к тому.

Посетитель: Правильно ли я вас понял? Что же мне делать с гневом, насилием, страхом, когда они возникнут во мне? Должен ли я отдаться под их полную власть? Как мне быть с ними? Внутри меня должна произойти перемена, иначе я останусь тем, чем был прежде.

Кришнамурти: Ясно ли вам, что эти вещи невозможно преодолеть при помощи их противоположностей? Если это так, вы имеете только насилие, зависть, гнев, жадность. Чувство возникает как результат вызова и затем оно получает название. Это название чувства восстанавливает его в старом образце. Если вы не даете ему наименования, – а это означает, что вы не отождествляете себя с ним, – тогда чувство существует сейчас, и оно уйдет само собой. Наименование усиливает его, придает ему непрерывность; таков весь

процесс мысли.

Посетитель: Меня ведут в какой-то угол, где я веду себя таким, каков я есть; и я вижу, как я тривиален, А что же придет потом?

Кришнамурти: Любое движение от того, что я такое, усиливает то, что я такое. Поэтому перемена – совсем не движение. Изменение есть отрицание перемены; и только теперь могу я поставить этот вопрос: существует ли вообще перемена? Такой вопрос можно задать лишь тогда, когда все движение мысли пришло к концу, ибо мысль должна подвергнуться отрицанию, чтобы проявилась красота отсутствия перемены. В тотальном отрицании всего движения мысли в сторону от того, что есть, заключено окончание того, что есть.

Глава V. Взаимоотношения

Посетитель: Я проделал долгий путь, чтобы увидеть вас. Хотя я женат, и у меня есть дети, я всегда был далек от них; я скитался и медитировал, подобно нищему. Я долго раздумывал над проблемой взаимоотношений, этой весьма сложной и трудной проблемой. Когда я иду в деревню, и меня там кормят, я оказываюсь с дающим в таком же родстве, как со своей женой и с детьми. Когда в другой деревне кто-то даст мне одежду, я вступаю в родственную связь с целой фабрикой, на которой она производится. Я нахожусь в родстве с землей, по которой хожу, с деревом, под которым нахожу убежище, со всем окружающим. И, тем не менее, я одинок, я пребываю в изоляции. Когда я бываю вместе с женой, я остаюсь в уединении даже во время полового акта – этот акт оказывается актом разделения. Когда я иду в храм, совершающий богослужение все так же находится в родстве с предметом поклонения; но и там опять разделение. И так, во всех взаимоотношениях, как я понимаю, существует эта разделенность, двойственность; и вот за ее пределами, или внутри, или превыше ее есть некоторое особое чувство единства. Когда я вижу нищего, это ранит меня, ибо я подобен ему и чувствую то же, что чувствует он: ощущаю себя одиноким, полным отчаяния, больным, голодным. Я чувствую за него и вместе с ним, я переживаю его бессмысленное суще-

ствование. Какой-то богач проезжает мимо в своем огромном автомобиле и предлагает подвезти меня; но в его обществе я ощущаю неудобство, однако в то же самое время я чувствую за него и переживаю родство с ним. И вот я раздумываю над этим странным феноменом взаимоотношений. Можем ли мы сегодня, в такое прекрасное утро, глядя вниз на глубокую долину, побеседовать вместе на эту тему?

Кришнамурти: Все ли взаимоотношения исходят из этой изолированности? Могут ли вообще существовать взаимоотношения, пока существует какая-то отдельность, пока есть разделение? Могут ли существовать взаимоотношения, если нет контакта с другим человеком не только на физическом, но и на каждом уровне нашего бытия? Можно держать руку другого и все же находиться где-то далеко, погруженным в собственные мысли и проблемы. Можно находиться в группе людей и все же оставаться до боли одиноким. Поэтому мы задаем вопрос: когда ум в своей деятельности изолирует себя, могут ли существовать какие-то взаимоотношения с деревом, с цветком, с человеком или с небесами, с чудесным закатом солнца? И может ли вообще когда-нибудь существовать некоторый контакт с чем-нибудь даже тогда, когда ум не изолирует себя?

Посетитель: Каждая вещь, каждый человек обладает собственным существованием. Каждая вещь и каждый человек окутан этим своим существованием. Я никогда не бываю в состоянии проникнуть сквозь эту замкнутость чужого бы-

тия. Как бы сильно я ни любил кого-то, его существование отделено от моего. Может быть, мне удастся соприкоснуться с ним внешне, на душевном или физическом уровне, но его существование будет его собственным, а мое навсегда останется для него внешним. Точно так же и он не может достичь меня. Должны ли мы постоянно быть двумя отдельными существами, каждый в своем собственном мире, с собственными ограничениями, заключенный в темницу собственного сознания?

Кришнамурти: Каждый человек живет внутри собственной оболочки, – вы в вашей, а он – в своей. И есть ли какая бы то ни было возможность когда-либо пробиться сквозь эту оболочку? Не является ли такой оболочкой, таким покрывалом, таким вместилищем, – слово? Разве оно не составлено из вашей заботы о себе, как и заботы о себе другого человека, из ваших желаний, которые противоположны его желаниям? Не является ли прошлое этой капсулой? Вся она состоит из этого, не правда ли? И дело тут не в одной отдельной вещи, а в целом их наборе, который ум несет с собой. У вас своя ноша, у другого – его. Нельзя ли когда-нибудь сбросить эту ношу, так чтобы ум встретился с другим умом, а сердце – с другим сердцем? В этом и заключается подлинный вопрос, не так ли?

Посетитель: Даже если бы сбросить все виды ноши, если бы это оказалось возможным, даже тогда другой человек остается внутри своей кожи, со своими мыслями, а я – внут-

ри своей кожи с моими мыслями. Иногда расстояние между нами узко, иногда – широко; но всегда мы представляем собой два отдельных острова. И когда мы особенно беспокоимся по поводу этого разрыва и стараемся перекинуть через него мост, он оказывается самым широким.

Кришнамурти: Вы можете отождествлять себя вот с этим крестьянином или с этой огненной бугенвилией; это трюк ума, который притворяется обладающим подлинным единением. Отождествление с чем-нибудь есть одно из самых лицемерных состояний. Отождествлять себя с какой-то нацией, с каким-то верованием – и все же оставаться одиноким – есть излюбленный трюк ума, имеющий целью обмануть свое одиночество. И вы с такой полнотой отождествляете себя со своим верованием, что сами становитесь этим верованием; тут уже налицо невротическое состояние. Так вот давайте отбросим прочь это стремление отождествить себя с каким-то человеком, с какой-то идеей или вещью. Таким путем не возникает гармония единства, не возникает любовь. И теперь наш следующий вопрос – можете ли вы пробиться сквозь оболочку, так чтобы ее больше не существовало? Лишь тогда будет возможно осуществить тотальный контакт. Как же нам следует прорываться сквозь оболочку? «Как» не означает метода, а скорее относится к исследованию, которое могло бы открыть двери.

Посетитель: Да, никакой другой контакт вообще нельзя назвать взаимоотношениями, хотя мы и пользуемся этим

СЛОВОМ.

Кришнамурти: Прорываем ли мы эту оболочку понемногу или рассекаем ее немедленно? Если мы рассекаем ее понемногу, – а психоаналитики иногда утверждают, что достигают этого, – дело никогда не будет сделано. Вы не сможете разрушить разделение при помощи времени.

Посетитель: Могу ли я проникнуть внутрь оболочки другого человека? И разве эта оболочка не представляет собой само его существование, биение его сердца, его кровь, его чувства и воспоминания.

Кришнамурти: А не вы ли сами являетесь этой оболочкой?

Посетитель: Да.

Кришнамурти: Самое движение, направленное на то, чтобы прорваться сквозь оболочку другого человека или расширить собственную оболочку есть именно утверждение вашей оболочки, ее действие: вы и есть эта оболочка. Таким образом вы представляете собой наблюдателя оболочки; вы также являетесь самой этой оболочкой. В этом случае вы – и наблюдатель, и объект наблюдения; так же обстоит дело и с ним; мы остаемся в таком положении, и вы стараетесь достичь его, а он – вас. Возможно ли это? Вы оказываетесь как бы островом, окруженном морями; также и он являет собой окруженный морями остров. Вы видите, что являетесь одновременно островом и морем, и между ними нет разделения. Вы – вся земля и все море, а потому в таком случае

нет никакого разделения, никакого острова, никакого моря. Другой же человек этого не видит. Он представляет собой остров среди моря; он пытается достичь вас; или, если вы достаточно глупы, вы можете попытаться достичь его. Возможно ли это? Как может существовать контакт между человеком, который свободен, и другим человеком, который связан? Поскольку вы представляете собой наблюдателя и объект наблюдения, вы и есть целостное движение земли и моря. Но другой человек, который этого не понимает, все еще остается островом среди воды. Он старается добраться до вас и вечно терпит неудачу, потому что сохраняет свое положение острова. Только тогда, когда он отказывается от этого положения и, подобно вам, становится открытым для движения небес, земли и моря, – только тогда делается возможным контакт. Тот, кто видит, что препятствие – это он сам, более не может иметь препятствий. Поэтому он внутри самого себя совсем не бывает отдельным. Другой не увидел, что преграда в нем самом, и таким образом поддерживает уверенность в собственной отдельности. Как же может этот человек достичь другого? Это невозможно.

Посетитель: Если можно, мне хотелось бы продолжить наш разговор с того пункта, на котором мы прекратили его вчера. Вы говорили, что ум создает вокруг себя оболочку, что эта оболочка и есть сам этот ум. Я не понимаю этого по-настоящему. Интеллектуально я, может быть, и согласен; но я не могу уяснить себе природу восприятия. Мне очень хоте-

лось бы понять ее – не на словах, а действительно почувствовать, так чтобы в моей жизни не было никакого конфликта.

Кришнамурти: Существует пространство между тем, что ум называет созданной им оболочкой и им самим. Существует пространство между идеалом и действием. В этих различных разрывах пространства между наблюдателем и объектом наблюдения или между разными предметами, которые он наблюдает, заключены все конфликты, вся борьба, все проблемы жизни. Между окутывающей меня оболочкой и оболочкой, окружающей другого человека, есть разделение. В этом пространстве находится все наше существование, все наши взаимоотношения и столкновения.

Посетитель: Когда вы говорите о разделении между наблюдателем и объектом наблюдения, имеете ли вы в виду эти разрывы пространства в нашем мышлении и в наших повседневных действиях?

Кришнамурти: Что такое это пространство? Существует пространство между вами и вашей оболочкой, между ним и его оболочкой; существует также пространство между двумя оболочками. Наблюдателю представляются все эти виды пространства. Из чего они составлены? Как они проявляются? Что представляет собой качество и природа этих видов разделенного пространства? Что произошло бы, если бы мы смогли устранить эти отрывочные формы пространства?

Посетитель: Тогда имел бы место подлинный контакт на всех уровнях нашего бытия.

Кришнамурти: И это все?

Посетитель: Больше не было бы никакого конфликта, потому что всякий конфликт есть взаимоотношения через это пространство.

Кришнамурти: Разве это все? Когда такое пространство действительно исчезает – не на словесном, не на интеллектуальном уровне, а по-настоящему, – тогда существует полная гармония, единство между вами и им, между вами и другим человеком. В этой гармонии нет ни вас, ни его; существует только это огромное пространство, которое никогда нельзя разделить. Тогда приходит к концу мелкая структура ума, потому что ум и есть разорванность.

Посетитель: Я совсем не могу понять этого по-настоящему, хотя в глубине души чувствую, что это так. Я в состоянии понять, что то, о чем вы говорите, действительно имеет место в случае любви; однако я не знаю такой любви. Ее нет со мной все это время. В моем сердце ее нет. Я вижу все сказанное только как бы сквозь туманное стекло. По правде говоря, я не способен понять это всем своим существом. Не могли бы мы рассмотреть вопрос о том, из чего составлены все эти виды пространства, как они проявляются? Ведь вы предложили рассмотреть этот вопрос.

Кришнамурти: Давайте будем совершенно уверены, что когда мы употребляем слово «пространство», мы оба понимаем под этим одну и ту же вещь. Существует физическое пространство между людьми и вещами; существует и психо-

логическое пространство между ними. Затем имеется также пространство между идеей и действительностью. Итак, все это и есть пространство – физическое и психологическое; есть и пространство более или менее ограниченное и определенное. Сейчас мы не говорим о физическом пространстве. Мы говорим о психологическом пространстве между людьми и о психологическом пространстве внутри самого человека, внутри его мыслей и деятельности. Как появляется это пространство? Фиктивно ли оно? Иллюзорно или реально? Почувствуйте его, осознайте, уверьтесь в том, что вы не просто приобрели его умственный образ; имейте в виду, что описание никогда не бывает вещью. Будьте вполне уверены, что вы знаете, о чем мы говорим. Полностью осознайте, что это ограниченное пространство, это разделение существует внутри вас; не уходите оттуда, если вы не понимаете. И теперь – как появляется это пространство?

Посетитель: Мы видим физическое пространство между вещами...

Кришнамурти: Не объясняйте ничего, просто ощутите свой путь внутри его. Мы спрашиваем о том, как появляется это пространство. Не давайте объяснения, не находите причину, а останьтесь с этим пространством и коснитесь его. Тогда причина и описание будут иметь весьма небольшое значение – и не представят никакой ценности. Это пространство проявилось благодаря мысли, которая есть «я», которая есть слово – и вот здесь все разделение. Сама мысль и есть

это расстояние, это разделение. Мысль всегда разбивается на отдельные части и создает разделение. Она постоянно разрезает на части наблюдаемое явление внутри пространства – как вы и я, ваше и мое, я и мои мысли и так далее. Это пространство, создаваемое мыслью между тем, что она наблюдает, стало реальным; и как раз именно она разделяет. А затем мысль пытается построить мост над разделенным, все время устраивая трюки с собою, обманывая себя в надежде на единство.

Посетитель: Это напоминает ваше старое сравнение, касающееся мысли: это вор, который переоделся полицейским, чтобы поймать вора.

Кришнамурти: Не ищите цитат, сэр, даже самых древних. Мы рассматриваем то, что происходит в действительности. Видя истину природы мысли и ее деятельности, сама мысль становится спокойной. Когда же мысль спокойна – а не сделана спокойной, – существует ли тогда пространство?

Посетитель: А теперь сама эта мысль устремляется сюда, чтобы ответить на вопрос.

Кришнамурти: Именно так! Поэтому мы даже не задаем этого вопроса. Теперь ум полностью гармоничен, в нем нет разорванности.

Малое пространство исчезло, существует только обширное пространство. Когда ум полностью спокоен, существует необъятное пространство и безмолвие.

Посетитель: Итак, я начинаю видеть, что мои взаимоот-

ношения с другим человеком – это взаимоотношения между мыслью и мыслью; какой бы ответ я ни дал, это будет шум мысли; и, поняв это, я пребываю в безмолвии.

Кришнамурти: Это безмолвие есть благословение.

Глава VI. Конфликт

Посетитель: Я нахожусь в значительном конфликте со всем, что меня окружает; и все, что находится внутри меня, также погружено в конфликт. Люди говорили о божественном порядке, о том, что природа полна гармонии; и человек представляется единственным животным, которое нарушает этот порядок, создавая такое множество несчастий другим и самому себе. Проснувшись утром, я вижу, как дерутся друг с другом птички; но скоро они разлетаются в разные стороны, тогда как я постоянно ношу в себе эту войну с самим собой и с другими людьми; от нее нет спасения. Мне хотелось бы знать, смогу ли я когда-нибудь оказаться в мире с самим собой. Должен признаться, что я был бы рад полной гармонии со всем окружающим и внутри себя. Когда из этого окна видишь спокойное море и свет на воде, в глубине души появляется ощущение, что должен существовать какой-то образ жизни без этих бесконечных ссор с самим собой и с миром. Есть ли вообще где-нибудь какая-то гармония? Или существует только вечный беспорядок? И если гармония действительно существует, на каком уровне она может проявляться? Или он находится только на вершине какой-то горы, которую никогда не смогут узнать объятые пламенем долины?

Кришнамурти: Можно ли уйти от одного к другому? Можно ли заменить то, что есть, тем, чего нет? Можно ли

дисгармонию преобразовать в гармонию?

Посетитель: Тогда значит ли это то, что конфликт необходим? В конце концов, может быть, все это составляет естественный порядок вещей.

Кришнамурти: Если человек принял такое утверждение, ему придется принять все то, что символизирует наше общество: войны, честолюбивое соперничество, агрессивный образ жизни – все грубое насилие людей вне и внутри его так называемых святых мест. Разве это естественно? Принесет ли это принятие какое-нибудь единство? Не лучше ли нам рассмотреть оба факта – факт конфликта со всей его сложной борьбой и факт ума, требующего порядка, гармонии, мира, красоты, любви?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.